

Александр АГЕЕВ

www.ageev.net | DOI: 10.33917/es-3.201.2025.4-5

НА РЕЛЬСАХ НЕВЕРОЯТНОСТИ

На ПМЭФ традиционно не только манифестируются идеи, впоследствии отливающиеся в новые стратегии, документы, решения, но и подписываются соглашения, инвестиционный объем которых уже достигает едва ли не астрономических величин. Это главный экономический форум России, за который отвечает Росконгресс — организация, учрежденная Президентом РФ. Пленарное заседание с его участием, как обычно, — «гвоздь» программы, содержащей еще сотни круглых столов, презентаций, выставок, переговоров. Форум посещают гости из двух третей стран современного мира. Уникальный человейник на четыре дня, оставляющий неисчислимый массив данных. Допустим нейросеть к их анализу — и трудно будет представить разброс аналитических отчетов в зависимости от поставленной задачи. Точно так же будет разнообразным набор оценок и мнений сугубо человеческих. Но все-таки что-то из информационного клубка форума проступит во всех случаях. Предположу, что это будет как минимум три позиции. И одна, в дополнение, едва ли войдет в спектр мнений.

Во-первых, на форуме царило жизнерадостное ощущение будущего. Эту тональность задал своим «деловым завтраком» Г.О. Греф. Цепочка умозаключений проста, хотя и парадоксальна: если сейчас имеет место «идеальный шторм», полная неопределенность, то мало учиться жить в условиях неопределенности и просто приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, надо самим изобретать и реализовывать это будущее.

Во-вторых, ключевые события форума показали сепарацию различных групп интересов. Едва ли не повсеместно так или иначе все сетовали на «раскоординированность» в работе экономических институтов. Финансово-экономический и банковский, промышленный, креативный, регуляторный, молодежный, инновационный, региональный и прочие блоки. В.В. Путин тоже упомянул о фондах и институтах развития, у каждого из которых свои подходы вплоть до шаблонов документации. Словом, у каждого участника свой контур присутствия на форуме, у самых важных — обширные павильоны и шлейф сопутствующих событий, свой более или менее громогласный пиар. И у каждого свое понимание собственных интересов и чаяний. Одним нынешний курс рубля кажется чересчур окрепшим, другим — слишком слабым. Почти всех утомляет ставка рефинансирования, но одни за ее мягкое, другие — за жесткое снижение. За этим стоит реальный дисбаланс ин-

тересов и даже ценностей. Строго говоря, это конфликт бизнес-культур, описанный более 100 лет назад классиками — Островским, Маминим-Сибиряком, Шишковым, Чеховым. Это дилемма конца XIX века, разрешившаяся трагично. Актуально, однако. Но качество институтов фиксирует сложившееся распределение экономической власти.

В-третьих, на «деловом завтраке» ПМЭФ Г.О. Греф вспомнил, что экономика — это искусство удовлетворять неограниченные потребности при ограниченных ресурсах. Довольно обширная научная литература посвящена первому, второму и тому, что между ними. Но ведь если исходная посылка — давайте изобретать будущее, то, следовательно, и все три компонента формулы рукотворны: и экономические институты, и потребности, и ресурсная база. Если не думать о том, как реально их а) скоординировать, б) облагородить и в) нарастить, то будущее будет смесью, с одной стороны, «идеального шторма» как чего-то, от нас не зависящего, с другой — проекцией нынешних институтов с некоторой корректировкой догматики.

Фундаментальны совсем иные вопросы, о которых тоже надо бы «завтракать» и «форумничать». Три навскидку. 1) Управление «неограниченными потребностями». Это миф — «неограниченность». Потребности всегда ограничены. Вопрос в другом: структура ограничителей. Потребности огра-

ничиваются, например, уровнем зарплаты, курсом валюты, приоритетами системы образования, идеологией, демографической политикой и многим другим. 2) Ресурсы — ограничены? Безусловно. Но не пора ли всерьез заняться проблематикой капитализации? Их, ресурсов, и не будет хватать никогда, если целые пласты активов у нас вообще не вовлечены в экономический оборот, например, результаты интеллектуальной деятельности. Ресурсов вечно будет не хватать, если некоторые институты, бухгалтер, например, останутся вне внимания как якобы сугубо техническая тема. 3) Координация, точнее, «раскоординированность». Почему вновь и вновь по этому поводу все разводят руками, а воз и ныне там? За этим словом скрывается фундаментально серьезная тема и отнюдь не одной лишь экономической политики. Это — качество государственного управления развитием страны в условиях цивилизационной войны.

В связи с этим — о никем не сделанном наблюдении: Форум завершился 21 июня. А завтра, 84 года назад, была война.

22 июня 1941 года по нашей стране был нанесен удар невиданной силы. По плану «Барбаросса» стрелы главных ударов были направлены на Ленинград, Москву и Киев. На все отводилось не более трех-четырех месяцев. Блицкриг. Противнику удалось на начальном этапе войны упредить боевое развертывание сил Красной армии и даже создать на некоторое время ложную картину обстановки у советского руководства и вызвать его неверные действия. Немецкий генерал Гот, командующий 3-й танковой группой вермахта, отмечал: «Не было никаких признаков целеустремленного и планового управления войсками противника в целом. Непосредственное управление войсками отличалось малоподвижно-

стью, схематичностью... Ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты». Ему вторил фельдмаршал Бок, командующий группой армий «Центр»: «Противник на всех участках застигнут врасплох». Цифры дают представление об этом «врасплох»: из 57 дивизий первого эшелона на прикрытие границы 22 июня были выведены всего 14, которые предприняли контратаки. Они с ходу вступили в бой на неукрепленной местности, практически без артиллерии и с нехваткой боеприпасов. С большими потерями им пришлось в следующие дни отступать.

Не только не имелось достаточной информации о реальном положении дел, были и явные фальсификации: в докладах начальству некоторых командующих фронтами говорилось, что они «сдерживают натиск противника», а на деле происходило «неорганизованное и поспешное отступление». Из шифрограммы военного совета Западного фронта командирам частей вечером 22 июня: «Думать об обеспечении горячим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе... Огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава... Раненых с поля боя не эвакуируют». 27 июня один полковой комиссар писал в военный совет фронта: «Где наши войска? Где местная власть?.. Все бежит на восток без всяких оснований... Никто боевой задачи нам не ставит, штабов армии и корпусов нигде не найти, снаряды, патроны, горючее и продовольствие на исходе». Потом некоторых начальников расстреляют по приговору военного трибунала.

В целом за 22 июня передовые отряды противника вклинились на западном направлении на глубину 60 км. Катастрофа разворачивалась стремительно. Но ее эпицентр был в системе управления.

Точная информация — это самое минимальное условие действенности любого управления. Каналы коммуникаций — второе минимальное условие, связанное с организацией фронта и тыла. Адмирал Н.Г. Кузнецов, главноком ВМС, поставил еще более беспощадный диагноз: «Отсутствие системы мы почувствовали с особой остротой в первые дни Великой Отечественной войны. Государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов. Последствия этого пришлось исправлять на ходу ценой больших жертв».

Но 21 июня москвичи еще спешили к водоемам, спасаясь от жары, любители оперы готовились вечером слушать «Риголетто» и «Травиату», в Минске командование Западного военного округа вечером отправилось на мероприятие в Дом офицеров... А в это время немецкие диверсанты уже перерезали линии связи.

■

